

УДК 343

СОГЛАСОВАННОСТЬ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ИЗМЕНЕНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В. В. Трухачев, Г. Г. Белоконь

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 августа 2019 г.

Аннотация: *исследуются вопросы, касающиеся согласованности отдельных норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Обосновывается ряд предложений по внесению изменений в нормы Особенной части УК РФ с целью достижения указанной согласованности. Основное внимание уделено преступлениям, включенным в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия».*

Ключевые слова: *согласованность, преступление, правосудие.*

Abstract: *the article is devoted to questions, concerning issues to the consistency of the Criminal code of the Russian Federation and the Criminal-procedure Code of the Russian Federation. A number of proposals to amend the norms of the Special part of the Criminal code in order to achieve this consistency are substantiated. The main attention is paid to the crimes included in chapter 31 Criminal code of the Russian Federation «Crimes against justice».*

Key words: *consistency, crime, justice.*

Необходимость достижения согласованности уголовного и уголовно-процессуального закона не нуждается в особой аргументации. Наличие противоречий и разногласий между указанными нормативными актами неизбежно влечет затруднение их реализации на практике. Это негативным образом сказывается на общей эффективности борьбы с преступностью, а также на уровне законности деятельности субъектов, осуществляющих предварительное расследование и судебное разбирательство уголовных дел. Проблема достижения такой согласованности является актуальной на протяжении ряда лет¹. Однако ряд положений

¹ См.: Павлов Н. Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон : проблемы соотношения и применения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999; Шадрина Е. Г. Взаимосвязь российского уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права (проблемы рассогласования и согласования) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003 ; Ожжало В. В. Проблема взаимосвязей и согласования уголовно-процессуального, уголовного и оперативно-розыскного законодательства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

Уголовного и Уголовно-процессуальных кодексов Российской Федерации продолжают диссонировать и в настоящее время.

Такой диссонанс особенно недопустим, когда он касается основополагающих понятий и принципов, распространяющих свое действие на уголовно-правовую сферу.

Рассмотрим законодательное закрепление и интерпретацию некоторых из таких понятий и принципов подробнее. К числу основополагающих понятий уголовного и уголовно-процессуального законов относится понятие «преступление». Согласно ч. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания.

Статья 38 УК РФ устанавливает, что не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление при его задержании с соблюдением определенных условий правомерности такого задержания. В ч. 2 ст. 108 УК РФ уголовно наказуемым признается совершение убийства при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Аналогично термин «преступление» используется законодателем при конструировании состава в ч. 2 ст. 114 УК РФ, где предусмотрена ответственность за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Использование в данных нормах термина «преступление», по крайней мере, некорректно. На момент причинения смерти, тяжкого или средней тяжести вреда лицу в ходе задержания в большинстве случаев нельзя утверждать, что задерживался именно преступник. Речь может и должна идти только о правомерном причинении вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние (ст. 38 УК РФ), или превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. ст. 108, 114 УК РФ).

Использование термина «преступление» в ст. 108 и 114 УК РФ противоречит принципиальному положению ч. 2 ст. 8 УПК РФ, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в порядке, установленном УПК РФ. Более того, согласно ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности» даже обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном УПК РФ порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Данное положение основано на конституционной норме, а именно ст. 49 Конституции РФ.

На момент фактического задержания лица, связанного с необходимостью применения физической силы либо оружия, процесс доказывания вины в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, в ряде случаев по объективным причинам не был и не мог быть начат.

Речь идет о задерживаемых лицах, которые до этого вовсе не попадали в поле зрения органов расследования, а их немедленное задержание было необходимо для пресечения совершаемых ими общественно опасных действий, предотвращения особо тяжких последствий и т. д. Естественно, в таких случаях никакие процессуальные действия в отношении задерживаемых лиц, направленные на доказывание их вины, тем более судебное разбирательство, не осуществлялись. Использование в УК РФ термина «преступление» в общепринятом и распространенном значении, без учета требований, закрепленных в Конституции и УПК РФ, недопустимо. Отметим, что законодатель некоторых стран считал необходимым включить в число принципов уголовной ответственности положение о том, что не совершает преступления лицо, совершившее запрещенное деяние, если нельзя вменить ему в вину содеянное на момент его совершения (параграф 3 ст. 1 УК Республики Польша)².

Отметим также, что в ходе расследования факта смерти задерживаемого лица может быть установлена его невменяемость. В таких случаях отсутствует вина как обязательный признак состава преступления, следовательно, задерживался не преступник, а невменяемое лицо, совершившее общественно опасное деяние. Аналогичным образом можно говорить о задержании лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

С учетом изложенного предлагается внесение изменений в ст. 38, 108 и 114 УК РФ путем замены слов «лицо, совершившее преступление» на «лицо, совершившее общественно опасное деяние». Законодательный опыт применения указанного словосочетания имеется в ст. 101 УК Республики Узбекистан. Она дословно именуется «Умышленное причинение смерти при превышении необходимых мер задержания лица, совершившего общественно опасное деяние»³.

Следует отметить, что предложение по замене законодательной формулировки ст. 38 УК РФ высказывались в литературе С. Ф. Милюковым. Обосновывалось это целесообразностью насильственного задержания лиц, совершивших некоторые административные правонарушения, например мелкое хулиганство (ст. 20.1 КоАП РФ), стрельба из оружия в населенных пунктах или в других неотведенных для этого местах (ч. 2 ст. 20.13 КоАП РФ) и др.⁴

По нашему мнению, в УК РФ не полностью восприняты положения Конституции РФ и уголовно-процессуального закона, касающиеся субъектов правосудия в Российской Федерации. Глава 31 УК РФ именуется «Преступления против правосудия». Между тем согласно ч. 1 ст. 118

² Уголовный кодекс Республики Польша. СПб., 2001.

³ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.

⁴ См.: Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб., 2015. С. 73–82; Милюков С. Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление // Энциклопедия уголовного права. Т. 7: Обстоятельства, исключющие преступность деяния. СПб., 2007. С. 181–182.

Конституции РФ правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. В соответствии с ч. 2 указанной нормы судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Положения ч. 1 ст. 18 Конституции РФ воспроизведены в ст. 8 УПК РФ, посвященной принципу уголовного судопроизводства, именуемой «Осуществление правосудия только судом». Такая однозначная и категорическая трактовка субъекта правосудия, на наш взгляд, исключает его расширительные толкования. Между тем ряд статей рассматриваемой главы УК РФ вовсе не касается защиты уголовно-правовыми средствами осуществления судебной власти. Особенно наглядно это видно на примере ст. 305 «Заведомо ложный донос», ст. 310 «Разглашение данных предварительного расследования», ст. 316 «Укрывательство преступлений».

В большинстве статей указанной главы речь одновременно идет как о судебной, так и иных смежных видах деятельности: предварительном расследовании и оперативно-розыскной деятельности. Такая расширительная трактовка субъектов, осуществляющих различные виды деятельности, не согласуется с наименованием главы «Преступления против правосудия». Такое смешение различных видов деятельности ведет к принижению судебной деятельности, дезориентации правоприменителей и граждан. В силу конституционных положений и принципов уголовно-процессуального закона судебная деятельность носит исключительный и особо важный характер. В частности, «предварительное расследование» именуется в законодательстве предварительным, потому что за ним следует судебное производство, в ходе которого проверяется обоснованность и законность произведенных в ходе предварительного расследования процессуальных действий и решений, и принимается окончательное решение. Не могут служить достаточными обоснованиями ссылки на исторические традиции употребления термина «Преступления против правосудия» в уголовном законе России, его распространенности в законодательстве зарубежных стран, на возможность опосредованного достижения целей правосудия путем проведения предварительного расследования и т. п.

С учетом изложенного считаем необходимым изменение наименования главы 31 УК РФ. На наш взгляд, оптимальным является такой вариант наименования главы 31 УК РФ, который отражал бы уголовно-правовую охрану как интересов правосудия, так и иных видов деятельности, осуществляемых в рамках уголовного судопроизводства. Не нуждается в подробной аргументации утверждение, что законные интересы предварительного расследования и оперативно-розыскной деятельности требуют их эффективной и действенной охраны уголовно-правовыми средствами.

По нашему мнению, более точно отразит содержание уголовно-правовых запретов в охраняемой сфере использование формулировки «преступления против уголовного судопроизводства» либо «преступления в сфе-

ре уголовного судопроизводства». Отметим, что согласно ст. 5 УПК РФ, уголовное судопроизводство относится к основным понятиям, используемым в УПК РФ. Под ним понимается досудебное и судебное производство по уголовному делу.

Проявлением несогласованности уголовного и уголовно-процессуального законов, по нашему мнению, является нереагирование в УК РФ на закрепление в УПК РФ новых процессуальных фигур, являющихся профессиональными участниками уголовного судопроизводства. Так, в ч. 2 ст. 294 УК РФ установлен уголовно-правовой запрет вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела. Процессуальная фигура руководителя следственного органа в диспозицию состава не включена. Между тем согласно ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа наделен широким кругом полномочий по организации предварительного следствия и контролю следователей. Так, руководитель следственного органа уполномочен проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя (п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Он вправе давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и объеме обвинения, лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщений о преступлении. Помимо этого, он наделен и рядом других полномочий, которые делают руководителя следственного органа самостоятельной процессуальной фигурой, деятельность которой должна быть защищена уголовно-правовыми средствами.

В сфере дознания широким объемом полномочий наделены процессуальные фигуры начальника подразделения дознания и начальника органа дознания. Их руководящая роль и процессуальный статус в предварительном расследовании в форме дознания закреплены соответственно в ст. 40.1 и 40.2 УПК РФ. Тем не менее они не указаны в ч. 2 ст. 294 УК РФ в качестве субъектов, деятельность которых охраняется уголовным законом. Деятельность указанных субъектов с учетом важности их процессуального статуса целесообразно выделить в отдельную группу, в отдельную часть рассматриваемой нормы, как это сделано в отношении деятельности суда.

С учетом самостоятельности и важности в уголовно-процессуальном законе процессуальных фигур руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания они должны быть включены в диспозицию ряда иных статей УК РФ. Прежде всего, имеется в виду ст. 295 УК РФ, в которой предусмотрена ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие

или предварительное расследование. В данной статье в перечне субъектов, посягательство на жизнь которых наказывается вплоть до пожизненного лишения свободы или смертной казнью, такие процессуальные фигуры не указаны. Между тем в данный перечень включены эксперты, специалисты, судебные приставы, судебные исполнители, а равно их близкие, хотя все перечисленные лица не осуществляют ни правосудие, ни предварительное расследование.

То же самое можно сказать о ст. 296 УК РФ, где установлена уголовная ответственность за угрозу или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования.

Указание на руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания должно содержаться и в ст. 298.1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава».

Разумеется, указанные процессуальные фигуры должны быть включены в перечень субъектов в нормах главы 31 УК РФ, где установлена ответственность за превышение или злоупотребление своими полномочиями. Их, наряду с прокурором, следователем, лицом, производящим дознание, следует включить в диспозицию ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности», ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний», ч. 2 ст. 303 УК РФ «Фальсификация доказательств и оперативно-розыскной деятельности».

По нашему мнению, о рассогласованности уголовного и уголовно-процессуального закона следует говорить и в случаях, когда законодатель при конструировании норм материального права не учитывает необходимость уголовно-правовой охраны интересов уголовного судопроизводства на всех его этапах.

Одним из наиболее существенных пробелов уголовного закона такого рода является отсутствие уголовно-правового запрета на деяния, совершенные определенными лицами против интересов уголовного судопроизводства в ходе проверок сообщений о преступлении.

Так, согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа наделены достаточно широким объемом процессуальных полномочий в ходе проверок сообщений о преступлении. Они вправе получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование и т. д. Не исключены случаи, когда в ходе доследственных проверок следователи, лица, производящие дознание, а также другие лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, осуществляют принуждение к даче показаний лиц, обладающих доказательственной

информацией, путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий. Однако указанные действия на стадии проверки сообщения о преступлениях в главе 31 УК РФ не защищены уголовно-правовыми мерами. По нашему мнению, для исправления ситуации необходимо ввести в ст. 302 УК РФ «Принуждение к даче показаний» положение о том, что указанные действия распространяются и на лиц, от которых отбираются объяснения в ходе проверок сообщений о преступлениях.

Отметим далее, что дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа в ходе проверки сообщения о преступлениях имеют возможность, в том числе руководствуясь корыстной либо личной заинтересованностью, фальсифицировать предметы и иные объекты, которые являются носителями доказательственной информации. Более того, такие доказательства, как протокол осмотра места происшествия, заключение эксперта, протокол освидетельствования, уголовно-процессуальный закон рассматривает как доказательства, формирование которых возможно и законно до возбуждения уголовного дела. Напомним, что протоколы следственных действий, заключения эксперта непосредственно указаны в ст. 74 УПК РФ как доказательства. Более того, согласно п. 1.2 ст. 144 УПК РФ, сведения, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ.

Между тем законодатель в ч. 3 ст. 303 УК РФ говорит о фальсификации доказательств только по уголовному делу. Однако фальсификация доказательственной информации и доказательств в ходе доследственных проверок в ряде случаев направлена именно на принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Уголовного дела в данном случае вовсе не существует и не существовало: проводилась лишь проверка сообщения о преступлении. На наш взгляд, следует использовать законодательный опыт некоторых стран. Так, согласно ст. 230.1 УК Республики Узбекистан уголовно наказуемой является фальсификация (подделка) доказательств при собирании, проверке и оценке доказательств не только уголовных дел, но и доследственных проверок⁵.

Объективности ради следует отметить, что и в ст. 74 УПК РФ законодатель дает понятие и называет виды доказательств, используя термин «Доказательства по уголовному делу». Такое положение может являться примером внутренней несогласованности уголовно-процессуального закона.

На наш взгляд, пробелом в уголовно-правовой охране интересов уголовного судопроизводства является закрепление в ст. 307 УК РФ уголовно-правового запрета на дачу заведомо ложных показаний только свидетелей и потерпевших. Лица, которые дают заведомо ложные показания в ходе проверок сообщения о преступлении во время получения от них объяснений, под действие указанной нормы не подпадают. Процессуальные фигуры свидетеля и потерпевшего в соответствии с уголовно-про-

⁵ Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001.

цессуальным законом появляются лишь после возбуждения уголовного дела. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела и которое вызвано для дачи показаний. Что касается потерпевшего, то в ч. 1 ст. 42 УПК РФ прямо указано, что решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда. Согласно ч. 1 ст. 188 УПК РФ свидетель и потерпевший вызываются на допрос повесткой, в которой указывается, кто и в каком качестве вызывается.

Законодатель особо указал, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности. В числе этих прав законодатель указал право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Однако уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний в отношении лиц, дающих объяснения в ходе проверки сообщений о преступлениях, в ст. 307 УК РФ не предусмотрено, что нарушает баланс прав и обязанностей указанных участников уголовного судопроизводства.

Отметим также, что определение направлений расследования, его стратегия во многом зависят от получения первоначальных доказательств именно на стадии, предшествующей принятию решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела. Получение объективных показаний в ходе отображения объяснений от лиц на первоначальном этапе уголовного судопроизводства необходимо и имеет особое значение. В этот период действует несколько факторов, способствующих получению таких показаний: фактор внезапности; сохранения следов на материальных объектах и их объем. С течением времени исчезает фактор внезапности; материальные следы преступлений утрачиваются вследствие природных причин, а также направленного противодействия лиц, заинтересованных в сокрытии преступления и т. д.

В связи с этим предлагается использовать в ст. 307 следующую формулировку: «Заведомо ложные показания лиц, дающих объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении, свидетеля, потерпевшего в ходе допросов».

Отметим далее, что уголовно-правовой запрет на отказ от дачи показаний в ходе проверки сообщения о преступлениях также отсутствует. Соответственно предлагается изложить наименование ст. 308 УК РФ в следующей редакции: «Отказ от дачи показаний лица, дающего объяснения в ходе проверки сообщения о преступлении, свидетеля или потерпевшего».

Частным случаем проявления рассогласованности уголовно-процессуального и уголовного закона, по нашему мнению, является установление законодателем уголовной ответственности за незаконное принятие процессуальных решений определенного вида и отказ от выделения уголовной ответственности за принятие незаконных уголовно-процессуальных решений, имеющих с ними тесную взаимосвязь и сходный процессуальный режим. Речь, в частности, идет о возбуждении уголовного дела и отказе в возбуждении уголовного дела. Так, согласно ч. 3 ст. 299 УК РФ уголовно наказуемым считается незаконное возбуждение уголовного дела, если это деяние совершено в целях воспрепятствования предпринимательской деятельности либо из корыстной или иной личной заинтересованности и повлекло прекращение предпринимательской деятельности либо причинение крупного ущерба.

Между тем в данном случае уголовно наказуемый незаконный отказ в возбуждении уголовного дела из корыстной либо иной личной заинтересованности не менее общественно опасен и влечет не меньший вред государственным, общественным и личным интересам, чем уголовно наказуемое возбуждение уголовного дела. Если говорить о количественной стороне, то незаконные или необоснованные отказы в возбуждении уголовного дела более распространены, чем незаконное или необоснованное возбуждение уголовного дела. Об этом прямо свидетельствуют данные прокурорского надзора. Так, с января по июнь 2019 г. прокурорами в Российской Федерации отменено 7317 постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела. В то же время за указанный период прокурорами отменено 1 046 621 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела⁶.

Попутно отметим, что действие указанного уголовно-правового запрета должно быть распространено на случаи принятия указанных процессуальных решений из корыстной либо иной личной заинтересованности в отношении всех лиц, а не только тех, кто осуществляет предпринимательскую деятельность. Интересы уголовного судопроизводства, а не профессиональной принадлежности тех, в отношении кого принимаются данные решения, должны быть приоритетными.

К числу пробелов законодательства, по нашему мнению, следует отнести отсутствие в УК РФ уголовно-правового запрета на разглашение данных закрытого судебного разбирательства.

В УК РФ в главе «Преступления против правосудия» (ст. 310) содержится лишь запрет на разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание. Таким образом, законодатель оставляет без внимания необходимость такого запрета применительно к стадии судебного разбирательства, проводимого в закрытом режиме.

⁶ Основные результаты прокурорской деятельности за I полугодие 2019 г. URL: <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 15.08.2019).

Между тем в ходе закрытого судебного разбирательства участвующие в нем лица могут стать носителями сведений, которые не были им известны в ходе предварительного расследования, а их разглашение имеет отрицательные последствия для иных участников уголовного судопроизводства. Существующее положение не способствует и общему авторитету судебной власти при рассмотрении уголовных дел в закрытом режиме.

Речь, прежде всего, идет о тех сведениях, конфиденциальность которых жизненно важна для определенных лиц, но их разглашение уголовно не наказуемо, поскольку эти сведения не составляют охраняемой законом тайны. Напомним, что закрытое судебное разбирательство допускается при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими возраста шестнадцати лет; о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлениях, в случаях, когда открытое судебное разбирательство может привести к разглашению сведений об интимных сторонах жизни участников уголовного судопроизводства либо сведений, унижающих их честь и достоинство (п. 2, 3 ст. 241 УПК РФ). В закрытом судебном разбирательстве исследуется и оглашается переписка, запись телефонных и иных переговоров, телеграфных, почтовых и иных сообщений лиц, которые не согласны с их оглашением в открытом судебном заседании (ч. 4 ст. 241 УПК РФ).

Отметим, что в законодательстве некоторых стран запрет разглашения данных закрытого судебного разбирательства в уголовном законе закреплен. Так, согласно ст. 407 УК Республики Беларусь под угрозой уголовного наказания запрещено разглашение данных дознания, предварительного следствия или закрытого судебного заседания⁷. Аналогичный запрет содержится в параграфе 2 ст. 241 УК Республики Польша⁸. Он распространяется на тех лиц, которые публично разгласили данные закрытого судебного разбирательства.

Итак, в УК РФ и УПК РФ существуют разногласия, которые можно назвать с учетом их содержания «орфографическими». Данные разногласия не носят принципиального характера, не определяют стратегии указанных законов. Тем не менее их наличие не способствует общему авторитету правильности, незыблемости, безусловности положений законов в уголовно-правовой сфере.

Имеется в виду различное написание термина «оперативно-розыскная деятельность». В УК РФ используется термин «оперативно-розыскная деятельность» (ст. 303). В УПК РФ применяется термин «оперативно-розыскная деятельность» (ст. 89). Данная несогласованность явилась предметом исследований в литературе⁹. Полагаем, что правильность написа-

⁷ Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. СПб., 2001.

⁸ Уголовный кодекс Республики Польша. СПб., 2001.

⁹ См.: *Красинский В. В.* О соотношении понятия оперативно-розыскная деятельность и оперативно-разыскная деятельность // Современное право. 2012. № 8. С. 34–38.

ния указанного термина относится к компетенции экспертов-филологов. Здесь же отметим, что рассогласованность законов в данном случае не лучшим образом сказывается на качестве подготовки студентов-юристов как будущих правоприменителей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов РФ, которые должны выступать как гармоничные части российского права.

Воронежский государственный университет

Трухачев В. В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права

E-mail: v.trukhachev@low.vsu.ru

Белоконь Г. Г., старший преподаватель кафедры уголовного права

E-mail: belokon@law.vsu.ru

Voronezh State University

Trukhachev V. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Criminal Law Department

E-mail: v.trukhachev@low.vsu.ru

Belokon G. G., Senior Lecturer of the Criminal Law Department

E-mail: belokon@law.vsu.ru